

БЫТЬ или не быть Россіи!

(Борьба за веру въ Россіи).

Въ текущемъ 1929 году по сравненію съ прошедшими годами совѣтская печать стала удѣлять гораздо больше вниманія религіозному положенію въ Россіи. Вопросъ о «религіозномъ фронтѣ» сейчасъ видимо особенно актуаленъ, борьба вокругъ него различныхъ теченій становится все болѣе страстной и напряженной.

Объясняется это прежде всего, какъ объ этомъ пишетъ издающійся газетой «Правда» журналъ «Большевикъ» (№ 16, 31 августа 1929 г.) — ростомъ активности церковниковъ и сектантовъ, усиленіемъ ихъ борьбы за молодежь, за вліяніе на массы трудящагося крестьянства и на отсталыя группы пролетаріата.

Особенно ярко это усиленіе активности религіозныхъ организацій сказалось въ послѣднюю антипасхальную кампанію*). Журналъ «Безбожникъ у станка» (№ 9, 1929 г.) жалуется на то, что «поны и активные религіозники въ эту антипасхальную кампанію выступили болѣе организованно и болѣе напористо, чѣмъ раньше. Церкви не были пусты и понамъ было передъ кѣмъ разыгрывать гнусную комедію пасхальной службы. Отмахнуться отъ этого факта было бы непростительной ошибкой. Было бы вреднѣйшимъ легкомысліемъ изображать дѣло такъ, что въ церквахъ

*) Въмѣстѣ съ настоящимъ номеромъ «Оповѣщенія» разсылается подробная сводка свѣдѣній изъ совѣтскихъ источниковъ относительно того, какъ была подготовлена и проведена антипасхальная кампанія 1929 года.

въ пасхальную ночь толкались якобы лишь дряхлые старики и старухи, какъ это къ сожалѣнiю дѣлають чрезчуръ ретивые репортеры нѣкоторыхъ газетъ. Церкви были полны, — была тамъ и молодежь».

О томъ, что Пасха въ этомъ году была встрѣчена вѣрующимъ народомъ съ особеннымъ торжествомъ и подъемомъ, имѣются многочисленныя свидѣтельства. Напримѣръ, въ одномъ письмѣ изъ Москвы пишется:

«Пасху и страстную замѣчательно хорошо провели. За всѣ годы пасхальная ночь была въ этомъ году исключительная по подъему религiознаго настроенiя и преисполнена великой радости, къ которой приобщилось почти все населенiе Москвы. Во всякомъ случаѣ такого переполненiя церквей ни разу еще не было. Все было свѣтло и радостно и ничто не могло омрачить этой побѣды свѣта надъ тьмой».

А въ другомъ письмѣ написано: «Съ большой радостью могу сообщить Вамъ, что всѣ позорныя затѣи безбожниковъ съ трескомъ провалились. Почти всюду ихъ гнали, въ нѣсколькихъ мѣстахъ нещадно били. По опредѣленiю одного оборванца на улицѣ: «Поны одолѣли!» Это характерно. Будто спорить какой то, кто кого одолѣеть... Храмы были переполнены и даже на улицахъ толпились народъ».

Въ наиболѣе значительные церковные праздники, особенно на Рождество и на Пасху, происходитъ всякій разъ какъ бы общая мобилизацiя борющихся на религiозномъ фронтѣ силъ. Результаты этихъ ударныхъ кампанiй особенно значительны и симптоматичны и по нимъ можно судить объ общемъ положенiи.

Вскорѣ послѣ Пасхи, въ июнѣ с. г. состоялся второй всесоюзный съѣздъ безбожниковъ. На этомъ съѣздѣ выявились величайшiя разногласiя между членами единой коммунистической партiи, вылившiйся даже въ открытыя столкновенiя между руководителями безбожнаго движенiя и представителями комсомола. Случилось то, что предсѣдатель союза безбожниковъ Ярославскiй считаетъ для нихъ «самымъ опаснымъ», «если», — какъ онъ говорить — «въ нашей собственной средѣ не будетъ единогласiя по вопросамъ веденiя работы, если и въ области антирелигiозной работы будутъ свои правые, лѣвые, примиренцы (см. «Комсомольскую Правду» отъ 16 iюня с. г.). Страсти разгорѣлись настолько, что представители комсомола назвали безбожный съѣздъ

«сѣздомъ бездѣльниковъ» и «сѣздомъ кулаковъ», а выступившій противъ нихъ комиссаръ просвѣщенія Луначарскій обозвалъ ихъ «комсомольскими собаченками». Представители комсомола странно на это разобидѣлись. Секретарь ихъ центрального комитета Рахмановъ заявилъ, что считаетъ «совершенно недопустимымъ и недостойнымъ сѣзда употребленіе такого выраженія... Такой эпитетъ комсомоль отметаеть отъ себя и возвращаетъ тому, кто адресуетъ его по отношенію къ ленинскому комсомолу», т. е. попросту публично заявилъ руководителю вѣдомства просвѣщенія, теперь уже опальному, что самъ онъ собака. Рахмановъ затѣмъ высказалъ свою скорбь по поводу того, что «на такомъ сѣздѣ, гдѣ комсомоль дружно, активно долженъ былъ бы работать съ союзомъ безбожниковъ, находятся люди, которые пытаются травить комсомоль» («Комсомольская Правда» отъ 15 и 16 іюня с. г.).

Споръ между двумя крайними тенденціями, особенно обострившійся на сѣздѣ имѣеть большое принципиальное значеніе и вскрываетъ глубочайшій идейный кризисъ коммунизма. Въ статьѣ Галактіонова, напечатанной въ «Космосольской Правдѣ», отъ 12 іюня с. г. говорится, что тутъ «рѣчь идетъ не о мелочахъ, а о коренныхъ разногласіяхъ въ принципиальныхъ вопросахъ антирелигіозной пропаганды». Галактіоновъ утверждаетъ, что «въ уставкѣ союза безбожниковъ имѣется не мало непониманія марксистко-ленинскаго ученія о религіи, примиренческаго отношенія къ ней въ условіяхъ обострившейся классовой борьбы, подмѣны классовой критики религіи буржуазнымъ атеизмомъ, културничествомъ»... Главные руководители борьбы съ религіей прямо обвиняются имъ въ ереси, «въ отступленіи отъ марксистскаго ленинскаго ученія о религіи».

Возникаетъ вопросъ — откуда это раздѣленіе между коммунистами? Гдѣ причина вызываемаго имъ глубокаго идейнаго кризиса?

Извѣстно, что слѣдуя своему официальному ученію коммунисты придерживаются крайняго матеріализма, отрицая все потустороннее, они считаютъ религію лишь «идеологической надстройкой», лишь результатомъ определенныхъ политическихъ, социальныхъ и экономическихъ условій жизни. Согласно ихъ теоріи, по мѣрѣ ломки стараго социальнаго-экономическаго уклада, неизбежно должна отмирать и религія.

Съ самаго начала революціи коммунизмъ считаетъ своимъ главнымъ идейнымъ противникомъ — православную церковь. Въ пылу борьбы съ нею онъ не останавливается ни передъ чѣмъ, идя даже на открытую поддержку обновленцевъ и другихъ откалывавшихся отъ Церкви группировокъ, а также и сектантовъ, что явно противорѣчитъ принципиальной установкѣ коммунизма, требующей борьбы со всякой вѣрой въ Бога.

Это двусмысленное положеніе ярко характеризуетъ двойственность совѣтской политики, принужденной считаться съ невозможностью сразу же добиться всѣхъ своихъ цѣлей и вынужденной идти на всевозможные нѣпы, т. е. уступки реальной жизни, не допускающей осуществленія изувѣрскихъ коммунистическихъ теорій. Получилось явное несоотвѣтствіе между требованіями официальной доктрины и тѣмъ, какъ эта доктрина претворяется въ жизнь.

Въ правящей партіи все сильнѣе становилась атмосфера официальной лжи и лицемерія, противъ чего стали бунтовать наиболѣе идейно настроенные элементы партіи, представляемые главнымъ образомъ комсомольцами. Этихъ болѣе идейныхъ комсомольцевъ возмущаетъ то, что они называютъ «коклетничаніемъ съ Боженькой» (см. «Коме. Правду» отъ 16-го іюня с. г.) и они требуютъ, чтобы борьба противъ вѣры въ Бога была бы безпощадной и безкомпромиссной.

«Коклетничая» съ обновленцами, сектантами и т. п., совѣтская власть долго не хотѣла сдавать своихъ позицій передъ Православной Церковью. Главнымъ орудіемъ ея борьбы съ Церковью было обвиненіе въ политической нелойяльности, въ участіи въ политической борьбѣ противъ существующей власти. Этотъ пунктъ былъ наиболѣе уязвимымъ для Церкви, если бы она настаивала на политическомъ неприятіи новой власти, если бы открыто заявляла о томъ, что продолжаетъ не признавать эту власть и будетъ призывать свою паству къ политическому противленію ей, то тогда большевикамъ легче было бы учинять разгромъ церковной жизни Русскаго Народа, легче было бы лишать его всякаго пастырскаго руководства и благодаря этому усиливать процессъ его ухода отъ отеческой вѣры въ безбожіе и въ угрожающе усиливавшееся сектантство, лучше умѣвшее съ самаго начала революціи принаравливаться къ новымъ условіямъ жизни. То, что для всевозможныхъ сектантовъ, впчѣмъ не связанныхъ

со свергнутымъ режимомъ не представляло трудности, для служителей Православной Церкви, свыкшихся со старой дореволюціонной жизнью, было въ высшей степени тяжело и мучительно. Но ея мудрые и самоотверженные руководители, прежде всего самъ Патріархъ Тихонъ, нашли въ себѣ достаточно духовныхъ силъ для того, чтобы, пожертвовавъ многимъ, что было для нихъ дорого и привычно, имѣть мужество отказаться отъ политической позиціи и вывести Церковь изъ взбаламученнаго моря политическихъ страстей.

Патріархъ Тихонъ и его преемники, сумѣвшие несмотря на все препятствія и соблазны, вывести Православную Церковь изъ политической борьбы и занять новую, чисто религіозную позицію, тѣмъ самымъ выбили изъ рукъ враговъ Церкви ихъ самое мощное оружіе — возможность бороться съ Церковью, какъ съ политической организаціей.

Такимъ образомъ Церковь жизненно разоблачила ложь марксистской классовой теоріи о религіи. Она показала на дѣлѣ, что христіанская вѣра является не результатомъ опредѣленныхъ земныхъ условий, а несокрушимой силой, могущей проявляться и побуждать сердца людей при любой земной обстановкѣ. Этотъ подвигъ Русской Церкви является одной изъ самыхъ замѣчательнымъ страницъ церковной исторіи.

Враги Церкви, въ началѣ показывавшіе, слѣдуя своей теоріи, неразрывную связь Православной Церкви со старымъ режимомъ, теперь, видя разоблаченіе своей схемы, пытаются подогнать подъ нее реальную жизнь, заявляя, что теперь имъ приходится имѣть дѣло «съ капиталистическими элементами нѣкого порядка, чѣмъ въ 1917-1921 г.г.».

Ярославскій сказалъ въ своемъ докладѣ на антирелигіозномъ совѣщаніи при Ц.К., что «если мы раньше имѣли дѣло съ нѣсколькими десятками тысячъ помѣщиковъ и нѣсколькими десятками тысячъ капиталистовъ, то сейчасъ мы имѣемъ дѣло... съ 3-4 милліонами кулаковъ, составляющихъ основной активъ современныхъ религіозныхъ организацій... Борьба съ ними не легче, чѣмъ борьба съ помѣщикомъ, поддерживающимъ церковную организацію, а, пожалуй, сложнѣе».

По мѣрѣ того, какъ Церковь жизненно выявляла, что она *надполитична*, т. е. стоитъ выше политическихъ раздѣленій, коммунистамъ все труднѣе становилось бороться съ нею. Ихъ

утверждения о томъ, что Церковь является политической контр-революціей опровергались самой жизнью, а широкими массами населенія все болѣе воспринимались, какъ явная ложь.

Въ результатѣ Тихоновской церковной линіи совѣтское правительство оказалось вынужденнымъ дать Церкви легализацію, т. е. поставить ее въ одинаковое положеніе (съ точки зрѣнія совѣтскихъ законовъ) съ другими религіозными организаціями. Когда руководитель Патриаршей Церкви митр. Сергій извѣстилъ лѣтомъ 1927 года объ этомъ событіи въ своемъ нашумѣвшемъ посланіи, причѣмъ еще разъ подчеркнул чисто религіозную позицію Церкви, то, какъ сообщила объ этомъ газета «Безбожникъ» отъ 11 сентября 1927 г., къ властямъ стали поступать письма отъ рабочихъ и крестьянъ, въ которыхъ говорилось о томъ, что разъ теперь Церковь окончательно отошла отъ политики, ее уже больше не нужно преслѣдовать. Отвѣчая на эти письма «Безбожникъ» старается увѣрить тѣхъ, кто придерживается мнѣнія ихъ автора, въ томъ, что «отъ этого (политической лояльности), роль церкви подъ руководствомъ Сергія не стала иной чѣмъ раньше... Дѣло въ томъ, что вредная роль религіи остается и послѣ деклараціи. Отцы Церкви, хотя бы не только руководителями въ молитвахъ и выдавать паспорта въ Царство Небесное, одни хотять быть учителями въ повседневной жизни вѣрующихъ... Церковь все еще пытается играть роль «утѣшительницы». Она все еще пытается примирить бѣдняка съ кулакомъ, рабочаго съ изманомъ, какъ «братьевъ во Христѣ». Она все еще стремится увѣрить человѣка, что онъ «рабъ Божій», когда этотъ человѣкъ сбрасываетъ всѣ виды рабства... Съ религіей, хотя бы ее Сергій перекрасилъ въ какія угодно совѣтскія одежды, съ влияніемъ религіи на массы трудящихся, мы будемъ вести борьбу, какъ ведемъ борьбу со всякой религіей, со всякой Церковью»...

Но какъ вести борьбу? Вотъ вопросъ! Пробовали голымъ насиліемъ. Ничего не вышло. Наркомпросу Луначарскому даже пришлось признать, что «намъ приходится не только не падѣяться на физическую силу, на силу государственной власти по отношенію къ Церкви, намъ приходится бояться пустить въ ходъ эту силу... Всякія формы поповскаго мученичества это самый настоящій ядъ для насъ», такъ какъ «прибавляютъ усердія вѣрующимъ».

А о томъ, что вѣрующихъ сейчасъ въ Россіи не мало, имѣ-

ются очень авторитетныя свидѣтельства. Напримѣръ, Бухаринъ заявилъ въ своей рѣчи на съѣздѣ безбожниковъ (см. «Правду» отъ 12 іюня с. г.), что «мы здѣсь имѣемъ дѣло съ массовымъ явленіемъ. Если бы у насъ было два-три вѣрующіихъ человѣка, то намъ было бы на это наплевать. Бѣда заключается въ томъ, что на одного нашего активиста у нихъ сотня, а на одного невѣрующаго приходится весьма многія сотни вѣрующіихъ. Поэтому задача не въ томъ, чтобы «нажать», а въ томъ, чтобы «убѣдить». А видный безбожникъ Олещукъ пишетъ въ «Правдѣ» отъ 2-го іюня с. г., что хотя «и политика, и экономика, и новый бытъ выкорчевываютъ корни религіозности въ сознаниіи трудящихся... однако несмотря на это даже на 12-мъ году революціи религія продолжаетъ жить въ миллионaxъ и миллионaxъ головъ трудящихся города и деревни».

Также и Ярославскій пишетъ въ «Большевикѣ» отъ 31 августа с. г.: «Мы вынуждены считаться съ тѣмъ, что имѣются миллионы (вѣрнѣе десятки миллионoвъ) членoвъ религіозныхъ организацій — рабочихъ и крестьянъ, какъ контръ-революціонеровъ. Мы боремся за вліяніе на эти массы, но именно поэтому мы въ рядѣ вопросовъ (и въ вопросѣ о закрытіи церкви и въ вопросѣ о разрѣшеніи религіозныхъ изданій) допускаемъ такую постепенность, которая была бы излишней, если бы мы имѣли дѣло съ организаціей, всѣ члены которой просто-напросто контръ-революціонеры. Такую организацію мы могли бы и обязаны были бы во что бы то ни стало распустиить». Но бѣда именно въ томъ, что «церковники залѣзаютъ въ рабочіе районы», что согласно заявленію секретаря Ц. К. комсомола Рахманова «и у насъ въ комсомолѣ находятся примиренцы по отношенію къ борьбѣ съ религіей», что «есть комсомольцы, которые молятся Богу», и многое другое въ томъ же духѣ.

Калининъ сказалъ на безбожномъ съѣздѣ, что «уничтожить вишіе атрибуты религіи — это вещь довольно нетрудная, но борьба съ религіознымъ міровоззрѣніемъ — одна изъ сложнѣйшихъ проблемъ... Въ борьбѣ съ религіозными предразсудками мы должны особенно осторожно приобѣгать къ административнымъ методамъ воздѣйствія. Мы не должны забывать о массахъ трудящихся, которыя къ сожалѣнію продолжаютъ оставаться вѣрующими» («Комс. Пр.» 15 іюня с. г.).

О томъ же говорится и въ передовицѣ «Извѣстій» отъ 24 августа с. г.: «Необходима чрезвычайная осторожность въ примѣненіи на антирелигіозномъ фронтѣ административныхъ мѣропріятій, когда они затрагиваютъ дѣйствительно широкія массы вѣрующіихъ. Тутъ возможны нежелательныя ошибки и вредныя послѣдствія». Ярославскій въ частности указываетъ на то, что вредныя послѣдствія имѣли «перегибы» въ вопросѣ о закрытіи церкви. Онъ считаетъ, что «когда дѣлѣ здраваго смысла становятся на извращенную борьбу съ правыми настроеніями, тогда на мѣстахъ дѣлаютъ такіе перегибы, за которые намъ приходится потомъ отдуваться, тогда затрудняютъ закрытіе Церквей тамъ, гдѣ это возможно было бы сдѣлать при другихъ условіяхъ... Когда говорятъ: не дожидайтесь, пока масса васъ подтолкнетъ, а возьмите и запретите колокольный звонъ, то мы отвѣчаемъ, что этого дѣлать нельзя. Будетъ неправильнымъ, если мы сейчасъ поссоримся изъ-за колокольного звона, когда у насъ въ городахъ не хватаетъ хлѣба и намъ его нужно собрать». («Комс. Пр.», 16 июня с. г.).

Противники этихъ мнѣній бичуютъ ихъ, какъ «проявленія самаго махроваго праваго оппортунизма», («Извѣстія»), какъ «зараженность кулацкой идеологіи», какъ «обывательщину и оппортунизмъ мелкаго буржуа или либеральнаго интеллигента, который труситъ борьбы съ религіей» («Безбожникъ»). Комсомолецъ Луничъ считаетъ, что «теорія тов. Рыкова о необходимости уничтожать дурманъ изъ головъ тѣхъ трудящихся, которые еще не разстались съ религіей, какъ и теорія тов. Луначарскаго въ корнѣ противорѣчить марксистской теоріи и всему опыту классовой борьбы» («Комс. П.» 9 июня). А главный безбожникъ Ярославскій жалуется въ своемъ заключительномъ словѣ на то, что и онъ «уже попалъ въ «примиренцы», а «завтра» критики изъ комсомола переведутъ его въ «правые».

Особенно характернымъ эпизодомъ этой внутренней борьбы является возмутительный актъ уничтоженія Иверской часовни. Московскій корреспондентъ «Дней» сообщилъ о томъ, что часовня была скрыта по приказу всеильнаго въ Москвѣ Баумана съ цѣлью «подложить свинью» Ярославскому, какъ предсѣдателю союза безбожниковъ... Отвѣтственность за это долженъ нести Ярославскій, какъ вождь безбожнаго движенія, хотя онъ и считаетъ это дѣло «безтактностью» («Дни», 1 сентября с. г.). Осо-

бенно «безтактнымъ» этотъ актъ вандализма является видимо также и потому, что часовня была уже давно передана обновленцамъ, также, какъ и наиболѣе чтимые вѣрующими храмы съ цѣлью отвлеченія народа отъ ненавистной властямъ Тихоновской Церкви. Теперь же чудотворная икона передана въ небольшой храмъ, повидимому принадлежащій Тихоновской Церкви.

Особенно возмущаетъ критиковъ изъ комсомола признаніе лидерами безбожнаго дѣла того факта, что вѣрующими являются широкія массы крестьянъ — «бѣдняковъ» и рабочихъ. Въ этомъ они, видимо не безъ основаній, усматриваютъ полное крушеніе марксистской теоріи въ отношеніи къ религіи. Въ своемъ заключительномъ словѣ на съѣздѣ безбожниковъ Ярославскій высказался по этому поводу слѣдующимъ образомъ: «Когда товарищи Галактіоновъ и Луниинъ упрекаютъ насъ въ томъ, что мы клеветаемъ, говоря, что и рабочіе иногда поддерживаютъ христіанскую религію, то я могу отвѣтить одной запиской и отвѣтить крѣпко. Записка гласитъ: — Мы безбожники привыкли видѣть въ составѣ церковныхъ совѣтовъ кулаковъ и пэнмашовъ. А вотъ въ городѣ Раменскомъ Бронницкаго уѣзда въ районѣ большой текстильной фабрики церковный совѣтъ состоитъ изъ 15 человекъ, и однихъ рабочихъ, да еще квалифицированныхъ... — И рабочий этотъ не рабъ древняго Рима, а современный рабочий, прошедшій школу капиталистической каторги и живущій 12 лѣтъ въ обстановкѣ пролетарской диктатуры. Вотъ надъ чѣмъ приходится задуматься, — добавилъ Ярославскій. — Можно эту штуку преодолѣть тѣми методами, которые предлагаютъ т.т. Галактіоновъ, Луниинъ и «Комсомольская Правда»? Наскокомъ тутъ не возьмешь».

Съ своей стороны сторонники болѣе крайнихъ методовъ борьбы съ религіей не безъ основанія утверждаютъ, что малѣйшее послабленіе Церкви сразу же приводитъ къ усиленію ея дѣятельности и къ расширенію сферы ея вліянія. Они указываютъ на то, что «Церковь сейчасъ является единственной легальной организаціей, за чьей спиной находятся контръ-революціонеры всѣхъ мастей и всѣхъ отѣнковъ» (журналъ «Рабочій народнаго питанія». Іюль 1929 г.). Луниинъ пишетъ въ «Комсомольской Правдѣ» (9 іюня с. г.), что рѣчь идетъ «не только о тѣхъ рабочихъ и крестьянахъ, которые еще до сихъ поръ не разстались съ религіей, но и о тѣхъ милліонахъ подрастающихъ молодыхъ трудящихся, ко-

торыхъ наши классовые враги стремятся одурманить при помощи религіи. Въдѣ мы сейчасъ имѣемъ въ рядахъ «христомола» до 2-хъ милліоновъ человѣкъ молодежи. Очевидно религіозный дурманъ попалъ имъ въ голову не въ дореволюціонное время. Въдѣ какъ показало обследованіе въ прошломъ году въ нѣкоторыхъ школахъ въ Москвѣ среди учащихся было до 50 процентовъ одурманенныхъ религіей... («Извѣстія» отъ 24 августа с. г. говорятъ, что «въ Москвѣ религіозность дѣтей въ отдѣльныхъ школахъ достигаетъ 90 проц.»)... Рѣчь должна идти не только о томъ, чтобы дурманъ въ головахъ уничтожить, а чтобы не допускать его въ головы».

А Бухарцевъ въ своей рѣчи заявилъ: «Въ обостренной классовой борьбѣ религія играетъ далеко не послѣднее мѣсто. Религіозный врагъ начинаетъ играть болѣе серьезную роль, чѣмъ игралъ въ предыдущіе годы... Невозможно бороться съ религіознымъ ядомъ, если мы не будемъ крѣпко бить и по религіознымъ организаціямъ».

Судя по извѣстіямъ изъ Россіи въ религіозной области, также и въ другихъ областяхъ Русской жизни, въ послѣдніе мѣсяцы царитъ «лѣвый курсъ». Рядъ процессовъ, окончившихся смертными приговорами священнослужителямъ, все продолжающаяся вакханалія насильственного закрытія церквей и многое другое ярко объ этомъ свидѣтельствуетъ. Сколько еще времени будетъ продолжаться сталинское безуміе неизвѣстно. Можно надѣяться, что не долго. Въ области экономики оно явно ведетъ страну къ катастрофѣ. А въ области народной психологіи оно приводитъ только ко все большему изолированію правящей верхушки не только отъ широкихъ народныхъ массъ, не только отъ рабочаго класса, недовольнаго производимымъ надъ нимъ насиліемъ (напримѣръ введеніе единоначалія на фабрикахъ), но даже и отъ партійной массы, задыхающейся въ атмосферѣ внутрипартійнаго террора и безконечныхъ взаимныхъ обвиненій во всевозможныхъ уклонахъ (яркимъ примѣромъ этого состоянія партіи является исторія съ совѣтникомъ Парижскаго полпредства Бесѣдовскимъ).

Для Церкви главное сейчасъ видимо то, чтобы пережить настоящій трудный моментъ, по возможности поменьше потерявъ изъ достигнутаго ею за послѣдніе годы, и укрѣпляя свое положеніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сталинское безуміе сравнительно меньше

сказывается. Церкви нужно переждать до того момента, когда смягчится или же совсем ликвидируется левый курс советской политики. А это рано или поздно неизбежно должно будет случиться. Малейший поворот вправо окажется благотворным для Церкви, а крутой поворот открывал бы перед ней широчайшие перспективы.

В области своей внутренней чисто религиозной жизни Церковь и сейчас пользуется сравнительной свободой. Это вытекает из новой редакции советских законов в отношении религии, означающей по толкованию «Безбожника» (от 7-го июля), что «отныне деятельность всех религиозных объединений сводится лишь к отправлению культа... К обслуживанию религиозных потребностей». А ведь это для Православной Церкви и является самым главным, областью ее подлинного и самого действительного влияния на людей.

Наиболее серьезными и угрожающими методами борьбы с Церковью представляются не столько те, которые являются выражениями прямого насилия над ней, сколько те, которые можно назвать, следуя советской терминологии, «культурным удушением» Церкви. Эти методы имеют целью создать для трудящихся условия жизни и работы, при которых «религиозный дурман» не смог бы попадать в их головы.

Наиболее серьезной мѣрой в этом направлении слѣдует считать попытку перевести все производство на непрерывную недѣлю съ отмѣной общаго для всех трудящихся воскреснаго дня отдыха и связанную съ этимъ попытку кореннымъ образомъ реформировать календарь, превративъ недѣлю въ «пятидневку» съ исчезновеніемъ изъ обихода самихъ словъ «воскресенье» и «суббота». «Безбожникъ» отъ 15-го сентября пишетъ по этому поводу слѣдующее:

«Непрерывная производственная недѣля есть наилучшее, наиболее действительно средство борьбы со старымъ религиознымъ бытомъ... Трудно даже оцѣнить сейчасъ полностью все значеніе непрерывнаго производства въ дѣлѣ борьбы съ религіей. Во всякомъ случаѣ оно гораздо больше, чѣмъ простая реформа календаря. Непрерывное производство отмѣняетъ не только традиціонные религиозные «воскресные» дни, но оно не оставляетъ религиознымъ праздникамъ вообще мѣста въ жизни трудящихся. Религиозный бытъ, если можно такъ выразиться, выбрасы-

вается за борть кипучей общественной жизни... По религии и религиознымъ организациямъ это бьетъ самымъ безощаднымъ образомъ. Вырывается «бытовая» опора изъ подъ ногъ религии. Вотъ почему мы по справедливости можемъ сказать, что декретъ о непрерывной производственной недѣлѣ по своему значенію для антирелигиозной работы является вторымъ мѣропріятіемъ послѣ декрета объ отдѣленіи Церкви отъ Государства. Если декретъ объ отдѣленіи Церкви отъ Государства подорвалъ разъ навсегда основы экономической и политической мощи религии въ Советскомъ Союзѣ, то декретъ о непрерывномъ производственномъ годѣ подрываетъ бытовыя основы существованія религии».

Но, говорить далѣе Олещукъ (авторъ статьи въ «Безбожничѣ»), «все это нисколько не значитъ, конечно, что съ религіей уже покончено. Не только не покончено, а наоборотъ, она себя какъ разъ сейчасъ и покажетъ со всей силой. Мы уже сейчасъ имѣемъ факты бѣшеннаго сопротивленія церковниковъ введенію непрерывной недѣли. Они стараются настроить противъ непрерывной недѣли наиболѣе отсталые слои рабочихъ. Вокругъ непрерывнаго производства развертывается классовая борьба, въ которой религія и религиозныя организации занимаютъ не послѣднее мѣсто».

Внимательно слѣдящій за Русской жизнью и хорошо о ней освѣдомленный «Соціалистическій Вѣстникъ» (отъ 11-го сентября) считаетъ, что эта «реформа, вносящая рѣшительную ломку во всю организацію производства и вызывающая глубокое и болѣзненное потрясеніе всего жизненнаго уклада миллионннхъ рабочихъ и служащихъ, характерна для той психологии легкомысленнаго экспериментаторства, которая становится въ послѣдніе годы господствующей «чертой. совѣтскихъ руководящихъ верховъ».

«Уничтоженіе воскресенья, какъ дня всеобщаго отдыха — пишетъ далѣе «Соц. Вѣстникъ» означаетъ будто бы громадный шагъ впередъ на пути «борьбы съ Богомъ». Но не говоря уже о томъ, что борьба принудительными мѣрами съ вліяніемъ религии, какъ показалъ историческій опытъ, заранѣе обречена на поражение и создаетъ атмосферу общественнаго одичанія, отмѣна общаго дня отдыха уже сама по себѣ очень болѣзненно будетъ воспринята миллионами рабочихъ и служащихъ... Введеніе

непрерывнаго производства будетъ означать непосредственную угрозу уничтоженія еженедѣльнаго отдыха вообще.

Въ этомъ случаѣ совѣтская власть имѣеть противъ себя не только общій фронтъ всѣхъ религіозныхъ организаций, но также и невѣрующихъ рабочихъ и даже повидимому многихъ представителей совѣтскаго и партійнаго аппарата. Противъ введенія непрерывнаго производства выступилъ даже комиссаръ труда Углановъ. Эта мѣра настолько нежизненна и настолько экономически нелѣпа, что обречена на явную неудачу.

Уже имѣются свѣдѣнія о томъ, что на мѣстахъ ее не удается провести. Напримѣръ «Трудъ» отъ 22-го августа сообщилъ о провалѣ непрерывной недѣли на строительствѣ въ Петербургѣ.

Если же, пользуясь своимъ аппаратомъ организованнаго насилия, совѣтской власти все же удастся хотя бы временно осуществить эту нелѣпую затѣю, то Церковь, конечно, сумѣетъ найти выходы изъ того тяжелаго положенія, въ которое ее поставитъ отмѣна воскреснаго отдыха. И до сихъ поръ, въ дни праздниковъ по старому стилю, для тѣхъ рабочихъ, которые вынуждены были работать организовывались раннія утреннія службы. На прошлое Рождество почти во всѣхъ храмахъ Москвы были ночныя службы. А особенно набожныя рабочіе одного прихода объявили со своимъ духовенствомъ слѣдующее расписание Рождественскихъ службъ: въ сочельникъ вечеромъ всенощная, въ 12 час. ночи молебенъ, въ 2 часа — утренняя, въ 4 ч. — ранняя обѣдня. А въ 7 часовъ утра вышли на работу.

Луначарскій говорилъ весной этого года на 14-мъ съѣздѣ совѣтовъ о томъ, что «мы уже втянулись въ послѣдній и рѣшительный бой» («Извѣстія» отъ 17 мая с. г.). А въ одной изъ совѣтскихъ газетъ недавно было сказано, что теперь въ Россіи нѣтъ ни одной мѣстности, ни одного уголка, гдѣ не велась бы борьба изъ-за религіозныхъ убѣжденій.

Намъ представляется, что отъ исхода именно этой борьбы за души Русскихъ людей, за душу Русскаго Народа въ цѣломъ, зависить самое существованіе Россіи. *Быть или не быть Россіи* — вотъ какъ ставится вопросъ. Думается, что пережитые годы и уже пройденные этапы этой борьбы даютъ достаточно основаній для того, чтобы не сомнѣваться въ ея исходѣ.

Теперь уже можно быть твердо увѣреннымъ въ томъ, что не ошибся Достоевскій, предсказавшій въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» устами старца Зосимы, что «невѣрующій дѣятель у насъ въ Россіи ничего не сдѣлаеть... Народъ встрѣтитъ атеиста и побореть его, и станетъ единая Православная Русь».

Кирилль Шевичъ.